

**Отзыв официального оппонента
о диссертации Т. М. Двинятиной
«Поэзия И. А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология»,
представленной на соискание
ученой степени доктора филологических наук
по специальности 10.01.01 – Русская литература**

Как известно, Бунин считал себя прежде всего поэтом. Между тем его высокая литературная репутация, оформившаяся в сознании современников и остающаяся таковой и поныне, - это репутация прозаика. (Только один писатель – Набоков – безоговорочно считал Бунина великим поэтом и просто хорошим прозаиком.) Диссертационное исследование Т. М. Двинятиной можно рассматривать как мощную историческую реабилитацию поэзии Бунина, которая представлена здесь как многогранное и самоценное явление русской словесности.

Первая глава, посвященная эволюции поэтического творчества Бунина, написана в традиционной историко-литературной манере. Основой изложения служит убедительно обоснованная периодизация творчества. Рассмотрены начало литературной деятельности, исходные поэтические ориентиры, первые печатные выступления, вхождение в литературные круги. Подробно охарактеризованы 1900-е годы, когда Бунин-поэт достигает творческой зрелости. Подчеркнута чувственная основа его творчества, непосредственно смыкающаяся с метафизическими переживаниями. Уже одно только это сопряжение резко выделяет индивидуальность бунинской манеры и созданного им поэтического мира. Другая его особенность – отсутствие единого иерархически выделенного центра – определяет своеобразную трактовку единства мира: он нерасторжимо целокупен, и каждое явление, каждая живущая душа впаяны в эту цельность. Отсюда понятна любовь Бунина к детализации: внимание к деталям не дробит мир, а только вновь и вновь воплощают его нерасторжимую цельность. Отсюда и подчеркнутое Двинятиной сравнительно малое количество лирических высказываний от первого лица. Но отсюда же – небывало обостренное переживание мысли о личной смерти как о неминуемой перспективе быть исторгнутым из этой целокупности, единственной альтернативой которой остается абсолютное небытие.

Из этого раз навсегда сформированного бунинского мировоззрения, явившегося не плодом умственных построений, а такой же неотъемлемой чертой его личности как физические данные или психический склад, вырастают оформившиеся за годы первых путешествий в Европу и на Восток культурный полицентризм и представление об исторической прапамяти, единящей далекие поколения. Следующий этап эволюции – 1910-е годы, отмечены «растущей герметичностью поэтики, <...> все более необходимым соучастием читателя в разгадке образной структуры, <...> соприсутствием в художественном мире великого множества равноправных исторических, культурных, природных, географических центров <...> и уникальной позицией поэта, одинаково свободно предоставляющего свой голос каждому из них». Все это, по мысли Т. М. Двинятиной, «приближало Бунина к тому типу творчества, который можно назвать постклассическим» (с. 120).

Новые темы возникают в страшные 1915–1917 годы. Появляются стихи, основанные на самых мрачных сюжетах былин и древнерусской истории. Эти сюжеты соприсутствуют настоящему и определяют его ход. «Доминантами художественного мира становятся ветхозаветный исток и апокалипсические видения» (с. 124). В первые годы эмиграции эсхатология «уступает место евангельским мотивам и упованию на вневременное воскрешение (прежде всего — в слове) идеального мира прошлого. <...> Но <...> переход к первоначальной гармонии происходит уже за чертой, осознаваемой как смерть и конец мира, в новой, вечной, жизни» (с. 130). Последние 30 лет, когда поэзия все-таки уступает место прозе, охарактеризованы в заключительном параграфе главы.

Перед читателем первой главы проходит вся жизнь Бунина, все поворотные точки его судьбы, определявшие характер поэтического творчества. И почти незаметно, что обычная оптика изменена: крупные, но хорошо знакомые события бунинской биографии передаются одной-двумя фразами, а малоизвестные факты поданы крупным планом. В этом – особое искусство изложения и особая скромность исследовательницы, никак не выделяющей собственные открытия и, наоборот, акцентирующей те моменты, когда в своей интерпретации она следует за предшественниками. Так, мимоходом упоминаются далеко не самоочевидные источники бунинских стихотворений – например, изданный в 1900 г. путеводитель по Цейлону А. Н. Краснова или «Агада», выпущенная в Одессе в 1910 г. (в последнем случае менее дотошный комментатор вполне удовлетворился бы отсылками к Ветхому Завету).

По мере чтения складывается ощущение, что Т. М. Двинятина знает о Бунине все – так же, как знает все о его литературном окружении на самых разных этапах его

творческого пути. Литературная среда представлена самым щедрым образом – это и крупные фигуры, и куда менее известные литераторы, такие как, например, Александр Митрофанович Федоров или Владимир Павлович Куровский. С исчерпывающим вниманием учтена прижизненная рецензия поэзии Бунина на разных этапах его биографии.

Вторая глава посвящена поэтике, анализ которой тесно увязан с данными первой главы и ведется, с одной стороны, с учетом единства мировосприятия Бунина, с другой стороны – с вниманием к видоизменению жанровых и образно-тематических особенностей его поэзии в различные периоды творчества.

Глава начинается с постановки вопроса о той «прозаичности» поэзии Бунина, которую неоднократно отмечали его современники. За точку отсчета принят тезис Р. Якобсона: «Поэзия последовательно связывается с метафорической организацией текста, а проза – с метонимической» (с. 149). Т. М. Двинятина демонстрирует, что, хотя поэзия Бунина достаточно богата метафорическими тропами, характерный для него «принцип комбинирования элементов остается паратактическим (метонимическим)» (с. 147).

Следующий параграф второй главы – «Еще раз о поэзии и прозе» – хотелось бы процитировать целиком, настолько важные для понимания поэзии Бунина вещи здесь сказаны – и сказаны с поразительной точностью. Но поневоле приходится ограничиться кратким пересказом. «По складу своего мироощущения и таланта, – пишет Т. М. Двинятина, – Бунин <...> был *лириком*. <...> Его творчество — как стихотворное, так и прозаическое — имело общий источник в той стихии жизни, которую Бунин чувствовал и воспринимал как поэтическую, и в этом преломлении поэзия мыслилась им не как род литературы, а как соприродная миру сущность. <...> Доминантой поэтического мира Бунина было великое разнообразие земного бытия, его миров, центров, предметов, состояний, поэтических «я» и т. д. Доминантой прозаического мира – предельное устремление к границам земного бытия и за них. Горизонталь и широчайший охват – для стихов; вертикаль и пронзительный вектор – для прозы. <...> Великое, утешающее и радующее человека разнообразие – в стихах. Концы и начала, смерть и бессмертие, вечное стремление и неудовлетворенность – в прозе. Как это достигалось? В стихах – бесконечным нанизыванием, называнием, перечислением, любованием, тончайшим и точнейшим определением. В прозе наивысшим, наиточнейшим определением будет либо указание на то, что в силу общего душевного опыта известно *каждому*, либо отказ от определения, негация, которая одна только, кажется, и способна указать на интенсивность

человеческого чувства. <...> На индивидуальном и словесном уровне это – предел, мучение и отчаяние. Этого отчаяния поэзия Бунина лишена. Она тоже несет в себе муку выражения, названия <...>, но она с ней справляется. <...> В прозе все только намечено, пронзительно, горько и открыто. В стихах все названо, ясно, благодатно и свободно. <...> Бунинская проза – это, в конце концов, бесконечный ряд вопросов. Его поэзия, в глубине своей, *ответ*. И два этих потока, бесконечно сменяя друг друга, вливаются в одну реку и составляют *единое высказывание* Бунина о мире, каким он его видел, чувствовал и переживал» (с. 161-163).

Переходя к проблемам интертекстуальной поэтики Бунина 1900-х годов, Т. М. Двинятина приводит множественные примеры отсылок сразу к нескольким источникам и традициям, позволяющие утверждать, что при ближайшем рассмотрении поэтическая система Бунина оказывается куда более подвижной и гибкой, чем можно было бы ожидать от «наследника традиций».

Следующий раздел посвящен поэтике стихотворной лирической новеллы с любовным сюжетом. Ее сюжетное строение характеризуется пунктирностью и неоднородной семантической и эмоциональной нагруженностью разных отрезков текста. Ведущее место принадлежит какой-либо драматической, эмоционально значимой детали. Возникает сдержанность, сжатость, потаенность содержания. В мировоззренческом отношении эти особенности трактуются как проявление феноменологической природы творчества Бунина.

Для зрелой лирики Бунина характерно слияние лирического субъекта и объекта: один за другим появляются тексты, написанные от лица самых разных персонажей. Приведенный в работе перечень их впечатляет, а множественность лирических «я» еще раз свидетельствует о важнейшей черте бунинской поэтики: *«отсутствии единого центра и равноположенности великого количества разных центров»* (с. 200). И о том же свидетельствуют многочисленные стихотворения, в которых представлены не лирические «я» персонажей, но их точно выверенные портреты. В разделах, посвященных стихотворениям с экзотическим или древнерусским сюжетом, анализ сопровождается интереснейшим комментарием к весьма сложным для понимания текстам.

Третья глава, посвященная текстологии, представляет чрезвычайно увлекательное для специалистов чтение. Можно сказать, здесь дан образец того, каким должно быть изучение наследия поэта, предшествующее его научной публикации. Аналитическая история прижизненных, а затем посмертных изданий, поучительные недочеты последних, исчерпывающий обзор источников текстов – таков первый круг собранных и

представленных сведений. Затем осуществляется теоретическое осмысление ключевой для научного издания проблемы – проблемы основного текста. Дан краткий, но емкий обзор текстологических концепций XX века: идея установления канонического текста, выдвинутая М. Л. Гофманом и оспоренная Б. В. Томашевским, установка на соблюдение последней авторской воли, трансформация идей Гофмана в 1950–1960-е годы, когда стремление зафиксировать «каноническую» подачу текста, подготовленного с непременным учетом последней авторской воли, оформилось в постулат, обязательный для научных изданий, постепенный слом этих позиций в конце XX века, влияние французской генетической критики, современные научные издания, отказавшиеся от текстологических постулатов середины XX века... Для полноты картины не хватает, пожалуй, только понятия «идеального текста», выдвинутого Г. О. Винокуром и поддержанного С. М. Бонди – а между тем именно с этим понятием связан широко практиковавшийся и практикующийся до сих пор принцип контаминации различных редакций при подготовке основного текста. Точка зрения самой диссертантки явствует как из этого обзора, так и из дальнейшего изложения: идея канонического текста решительно ею отвергнута, но не принят и альтернативный этой идее принцип представления одного стихотворения «гнездом» самостоятельных редакций, совокупно поданных в основном корпусе текстов. Вопрос о выборе основного текста, как и о соблюдении последней авторской воли, должен, по совершенно справедливому, на мой взгляд, мнению Т. М. Двинятиной, решаться исходя не только из общетеоретических предпосылок, но и с учетом индивидуальных особенностей того или иного автора. А потому далее она переходит к индивидуальным особенностям работы Бунина с собственными текстами.

В диссертации справедливо отмечено, что в последнее время сдает свои позиции принцип соблюдения последней авторской воли. Но эта проблема представляется куда более сложной, чем проблема канонического текста. И хотя верно, что редактор – не душеприказчик, призванный соблюдать последнюю волю покойного, для нарушения творческой воли художника должны иметься очень веские основания, а за их отсутствием лучше этого нарушения избежать. Конечно, и слепое соблюдение последней авторской воли к добру не приводит. В диссертации приведен пример поздней незавершенной правки Гоголем собственных ранних текстов. Не только в старом, но и в новом академическом полном собрании его сочинений непременное желание соблюсти последнюю вою автора привело в случае с «Вечерами на хуторе близ Диканьки» к созданию того самого «идеального текста», который представляет собой редакторский

конструкт, построенный на контаминации разных источников и никогда не выходивший из-под пера Гоголя. Альтернативой такого рода решениям кажется весьма сочувственно описанный в диссертации принцип, принятый в современном издании Баратынского, то есть экспозиция в основном корпусе всех имеющихся редакций текста. Между тем этот принцип, в сущности избавляющий редактора от критики текста и принятия текстологических решений едва ли можно назвать научным, поскольку такая подача источников, да еще с соблюдением их орфографии и пунктуации легко может быть заменена их факсимильным воспроизведением. Кроме того, она совершенно непригодна для одной из функций научного издания – служить источником для изданий массовых. Конечно, существует точка зрения, что не царское это дело для академической науки заботиться о проблемах массовых изданий. Но результатом такой позиции может быть только одно: массовые издания будут печататься по старым изданиям, где основной корпус текстов подан вполне внятно. По счастью, несмотря на сочувственное описание такого рода текстологической практики, Т. М. Двинятина применительно к Бунину подобных решений не принимает. Однако и предлагаемое ею решение все-таки не вполне бесспорно. Оно заключается в следующем: «Стремление к воплощению бунинской “последней воли” в рамках научного издания привело бы к произвольному выдвиганию одних вариантов текста при умалении других. В этой ситуации стержнем издания почти неизбежно становится последняя публикация, которая, в случае Бунина является и *главной прижизненной публикацией*, то есть публикацией, зафиксированной в наиболее ответственном и тиражированном издании, отредактированном самим автором и прочитанном его современниками. Иными словами, основу научного издания лирики Бунина должны составить стихотворения, включенные Буниным в *Петрополис* <Собрание сочинений 1934–1936 гг., вышедшее в издательстве «Петрополис». – Б. А.> и *ПСС–1915* <Полное собрание сочинений 1915 г. – Б. А.>, в том виде, в каком они напечатаны в этих изданиях. В спорных случаях преимущество остается за *Петрополис* как за более поздним. Стихотворения, которые в эти собрания не входили, следует печатать по последней прижизненной публикации, а если таковой не было – по наиболее репрезентативному автографу» (с. 332). В качестве основания такого решения выдвигается тезис, согласно которому главная задача научного издания «состоит в том, чтобы сегодняшний читатель увидел Бунина глазами его просвещенного современника, то есть того гипотетического и почти идеального читателя, который следил за поэтическим развитием Бунина, мог оценить его главные собрания 1915 (*ПСС–1915*) и 1934–1936 годов (*Петрополис*) и прочесть их как в историко-литературной перспективе своего времени.

так и в контексте той колоссальной работы, которую поэт вел над своим наследием до последних дней жизни» (с. 396). Почему во главу угла ставится прижизненная рецепция, не очень понятно. Быть может, логичнее было бы говорить о стремлении представить творческую эволюцию Бунина, освободив более ранние тексты от позднейших наслоений? Но в целом невозможность учесть в основном корпусе позднюю правку Бунина, несмотря на все соображения, приведенные в работе, не представляется однозначной. Да, эта правка не носит систематического характера, она коснулась одних томов и не коснулась других – но, как показано в диссертации, для Бунина, так сказать, «единицей текста» был не цикл, не сборник, а отдельное стихотворение, – следовательно, о систематической правке нет повода говорить. Другое дело, что в разных источниках встречается несогласованная правка – эти случаи, конечно, самые сложные, как раз и требуют особо ответственного решения текстолога.

Высказав это замечание, я должен признать, что безупречных текстологических решений при наличии хоть сколько-нибудь сложного состава источников вообще быть не может – по той простой причине, что противоречие между динамикой жизни текста и необходимостью представить ее единомоментный снимок в качестве основного текста в принципе снять невозможно. Поэтому решение, предложенное Т. М. Двинятиной, так же имеет право на существование, как и то, которое больше импонирует мне. Главное же, что надо сказать о разделах, посвященных источникам бунинских текстов, заключается в том, что они вызывают восхищение, причем не только исключительной полнотой материала, впервые собранного в разных архивах России и Европы, но и аналитическим осмыслением материала, его до тонкостей продуманным и структурированным описанием. И то же самое относится к параграфам, посвященным датировкам бунинских стихотворений: та же полнота учтенных данных и аналитическое описание, построенное на соотнесении всех данных друг с другом. Прodelан колоссальный, кропотливый и, главное, – умный труд.

В то же время именно в связи с датировками у меня возникли еще некоторые возражения. В диссертации описан ряд случаев, когда авторские даты, проставленные Буниным в экземплярах его изданий приходят в противоречие друг с другом, а в распоряжении исследователя нет данных, на основании которых можно было бы опровергнуть одну из таких дат и подтвердить другую. И тут Т. М. Двинятина попадает в плен представлений, чем-то напоминающих отвергнутую ею идею канонического текста: она считает необходимым совершить однозначный выбор – например, отдать предпочтение той дате, которая проставлена в наиболее авторитетном прижизненном

издании Бунина. Однако, во-первых, авторитетность издания при выборе основного текста ни в коем случае не предполагает такой же его авторитетности в отношении датировок. А во-вторых, сама необходимость указания одной из двух или нескольких дат является мнимой. Куда осторожнее, а потому предпочтительнее оставлять в таких случаях широкую датировку. Ведь необходимо помнить о том, что большая часть наших датировок все-таки носит гипотетический характер. Не случайно именно датировки пересматриваются чаще всего. Ведь даже единственная авторская дата может быть так же неточна, как и одна из двух дат, противоречащих друг другу. Идея выбора единственно верной даты связана в диссертации Т. М. Двинятиной с еще одной установкой, которая тоже подлежит обсуждению. В работе постоянно говорится о дате, которая должна стоять под текстом научного издания. Действительно, такая эдиционная практика существует. Но хороша ли она? Лучшее место для датировки – в комментарии. Это дает большую свободу и избавляет от необходимости создавать видимость точности там, где она невозможна.

Тщательное исследование всех вариантов бунинских стихотворений часто приводит автора к открытиям, которые могут быть сделаны только на этом пути. Приведу всего один, самый краткий, но очень характерный пример. В стихотворении «Трон Соломона» во всех собраниях сочинений слова, обращенные Солломоном к Богу, читались: «Ты мог мне жизнь устроить». Это по-житейски понятное заявление совершенно несообразно смыслу стихотворения, в котором, как установлено Т. М. Двинятиной, сказано совсем другое: «Ты мог мне жизнь утроить».

Самым существенным итогом исследования, проделанного Т. М. Двинятиной, является то, что в нем собран и блестяще изложен весь необходимый материал для подготовки академических томов стихотворений Бунина для нового полного собрания его сочинений. Работа проделана в лучших академических традициях: текстология, биография, поэтика, творческая эволюция изучены как единый комплекс, причем именно как комплекс, ибо работа не распадается на отдельные аспекты, все ее части подкрепляют друг друга и мотивируют выдвигаемые в том или ином разделе тезисы. Один из впечатляющих примеров – текстологическое решение, касающееся места бунинских переводов в собрании его стихотворений – решение, принятое на основе поэтики и творческой истории переводных произведений в соотнесении их с оригинальными.

По теме диссертации имеется 38 отражающих содержание публикаций, в том числе 16 – в изданиях из списка ВАК; Т. М. Двинятиной подготовлено превосходное двухтомное издание стихотворений Бунина в Большой серии Новой Библиотеки поэта (СПб., 2014) – первое научное издание бунинской лирики. Промежуточные результаты

исследования обсуждались на международных научных конференциях и текстологических семинарах. Автореферат диссертации полно и исчерпывающе отражает содержание диссертационного исследования.

Таким образом, диссертация Двинятиной Татьяны Михайловны «Поэзия И. А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология» соответствует требованиям, предъявляемым ВАК РФ к диссертациям на соискание ученой степени доктора филологических наук (пп. 9 и 10 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), а ее автор, Т. М. Двинятина, заслуживает присуждения ей ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Доктор филологических наук,
профессор кафедры истории русской литературы
филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Б. В. Аверин

10 июня 2015 г.

Борис Валентинович Аверин
198218 Санкт-Петербург, п. Володарский,
ул. Пролетарская, д. 29
+7 905 228 25 17
virolainen@mail.ru

